

Анастасия Попова

*Светочка.
История одного поступка*

18+

Анастасия Попова

Светочка. История

одного поступка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36625035

SelfPub; 2018

Аннотация

Молодому следователю Светочке дают задание посадить человека. Она берется за него с радостью, ведь это брат ее злейшего врага. Но вскоре Светочка понимает, что этот человек не убивал, а начальство настаивает...

Полковник положил Светочке на стол документы.

– Светлана Валерьевна, пора Вам продвигаться по службе.

Раскроете это дело, станете старшим следователем.

Светочка лучезарно заулыбалась.

– Что это? – спросила она.

– Убийство. Дело пустяковое. Нужно допросить жену, тестя. Хлопнул, так сказать, его, любовник. Допрос родителей в деле есть, он никому не нужен – парень жил с семьёй сурруги. Задача ясна?

Светочка заулыбалась ещё лучезарнее:

– Будет сделано.

Какой следователь не мечтает стать женой генерала, а если нет генерала, полковник сойдёт тоже. А если не первой, то хотя бы четвёртой. Светочка была из тех, на ком любые джинсы сидят, из тех, кто на восемь раз покрашенными ресничками хлоп-хлоп, из тех, кого прыщики даже не портят, из тех, у кого глазки голубые и честные-честные, из тех, у кого мелирование аккуратно убрано за ушки, из тех, кто чмоки-чмоки, из тех, кто: «Ай, ай, ай», когда полковник матерится. Маленькая, худенькая, молоденькая. Одним словом – зая. И мозгов столько же.

Дюймовочка, закончившая школу с серебряной медалью... На кой чёрт её понесло в следствие? Это была страшная тайна. Настолько страшная, что даже маме Светочка о ней не рассказывала.

Это было в шестом классе. Лошадь шла со своими подружками, и ей не понравился Светочкин берет. Нормальным девчонкам, типа Ксины или Лошади, как позже её нарекла Светочкина подруга, всякие там девочки-припевочки никогда не нравились.

– Чё у тебя на голове? – спросила Лошадь.

– Шапочка, – ответила Светочка.

– Это не шапочка, это уродство, – сказала Лошадь и сорвала со Светочки берет.

Старшие девочки стали мерить его и перекидывать друг другу. А Светочка металась между ними, как собачка, плакала и кричала: «Отдай!»

Светочка знала, что мальчишки иногда могут дёрнуть за косичку. Но мальчишки – дураки, мальчишки по уму на два года меньше... А девочки... большие, умные девочки... зачем, за что...

– Ксина, мы из-за тебя на днюху опоздаем...

Ксина! Ха-ха! Не смешите мои тапочки! Настоящая Ксина, которая в фильме, красивая, породистая, холёная... А у этой волосы жирные, что можно картошку жарить... и красная помада, как у проститутки, и морда вытянутая. Лошадь, а не Ксина. Хотя, может, Ксина, потому что Ксенофондова. Ксенофондова Яна. Эти буквы внедрила в Светочкину память школа прочнее, чем дважды два.

– Чтобы я на тебе этот ужас больше не видела!

Лошадь закинула берет на дерево, и они ушли...

Светочка хотела, чтобы её повысили. Во-первых, оклад... Во-вторых, Светлана Валерьевна, вместо Светочки, и, в-третьих, «Мама, я всего год проработала и уже старший следователь».

Светочка стала читать материалы дела и... Странно, что за недотёпа занимался этим убийством? Ну ладно, можно понять, человек пропал без вести, три месяца его искали, потом по Находке прошёл слух, что он убит. Остальные полгода что делали-то? Вот показания отца, что парень состоял в ОПГ, вот мать просит его не искать. И что... раз человек пропал, и, скорей всего, убит, работать надо... Тем более... почитаем. Ага! Директор фирмы, зарплата 50 тысяч в месяц, акции такие-то. Ни у Светочкиных родителей, ни у её знакомых и даже знакомых знакомых никогда не было ни одной акции, а значит, паренёк-то серьёзный. А тесть, мама дорогая, полковник ФСБ в отставке! Практически наших людей мочат, а мы штаны протираем!

А что нам известно о подозреваемом? Когда было первое покушение на Эдуарда Бушлаева, некто Артур Ксенофондов был замечен спустя минут пятнадцать неподалёку от происшествия, а за два дня до пропажи Бушлаева в ночном клубе «Чёрная молния» между Ксенофондовым и Бушлаевым случилась драка, в ходе которой 23 свидетеля слышали, как Бушлаев кричал: «Подойдёшь к моей жене – кастрирую», на

что Ксенофондов отвечал: «Будешь нам мешать, я тебя сам закопаю»...

Там дальше были ещё доказательства, которые горе-следаки нашли против Ксенофондова, но Светочке их не надо было. Ибо это брат Лошади, а значит, виновен и обжалованию не подлежит.

... С того момента Лошадь стала кошмаром светочкиной жизни. Светочка с подружками идёт со школы – Лошадь тут как тут. И спрашивает: «Почему у тебя нос такой длинный?» или «Что, опять полный рюкзак пятёрок для мамы тащишь, овца» или «Что вместе с Васькой-дауном обжимаешься в подъездах», а у Светочки нос был обычный и пятёрок не так много, и Ваську-дауна она ни разу не видела.

Однажды Лошадь крикнула: «Овца, иди сюда».

– Сама овца, – ответила Светочка.

Лошадь подлетела, дала смачный подзатыльник:

– Поясни меня за овцу.

Светочка растерялась.

– Не можешь? Ну, кто я, овца, да, ну говори.

Пока подружки Лошади кто ржал, кто запихивал Светочке за шиворот листья, Ксина крепко держала Светочку за грудки. Надо было что-то сказать.

– За что ты со мной так? Что я тебе сделала?

Лошадь на секунду смутилась, потом выпалила:

– Потому что ты лохушка.

«Лохушка, лохня», – подхватили подружки Лошади.

– А если лохушка... Всё равно человек...

«О! Она призналась, что лохушка», – заголосили подружки Лошади.

– А с человеком так нельзя, ни с каким человеком, даже если он – лохушка, – не унималась Светочка.

– Для меня ты не человек. Ты тварь дрожащая, а я право имею, – сказала Лошадь.

– Ксина, не грузи эту лохню, она не читала...

– Читала, ещё как читала, он там в конце съезжает с катушек и садится в тюрьму. Все, кто право имеют, съезжают с катушек и садятся в тюрьму. И ты будешь также...

Лошадь убрала руки и девкам сказала остановиться.

– Я а до того момента не дочитала и не собираюсь. Так ты человек?

– Да, человек.

– И с чего ты взяла, что человек?

– Потому что у меня есть руки, ноги и всё, как у других...

И я никому ничего не делала.

– Нет, лохушка, чтобы быть человеком мало никому ничего не делать. Надо сделать. Сделать то, за что я тебя буду уважать, а пока ты не человек – ты овца. Ты же живёшь, сама не знаешь зачем.

– Знаю.

Большие девочки с любопытством взяли в круг Светочку.

– Если есть ты, мне есть зачем жить – чтобы тебя не было.

Лошадь достала складной нож и сунула его в руку Светочки.

– Вперёд.

Светочка вылупила на неё глаза. Лошадь – дура, Лошадь злая, Лошадь овца беспонтовая. Но... она же живая. А Светочка не Лошадь. Она это не умеет.

– Ну, давай, давай, – подначивала Лошадь.

Девки хихикали.

– Тварь ты дрожащая или право имеешь?

– Не имею, никто не имеет. Я по-другому тебя убью. Стану знаменитой, и ты сдохнешь от зависти.

Тогда Лошадь забрала у неё нож.

– А я имею.

Она полоснула Светочку по куртке. Потом ещё раз и ещё. А девки смеялись-смеялись. Это очень страшно, страшнее, наверное, нет ничего! Когда тебя уничтожают, а вокруг никто не хочет помочь – все смеются.

Лошадь остановилась.

– Так сойдёт. Теперь поняла, кто здесь судит и кто милует?

Рита собралась курить и кинула Светочке:

– Идёшь?

– Мы курить, – сказала Светочка и хихикнула, потому что сама она, конечно же, не курила.

Они уставились в потолок, почерневший от дыма.

– Прикинь, я сейчас дело расследую... Там богатенького

мальчика убили, закопали. И знаешь, кто это сделал? Артур Ксенофондов.

– Брат Ксины, что ли?

– Да, я на седьмом небе! Мне ещё повышение обещали за это.

Рита засмеялась.

– Представляю, как ты оторвёшься. Стопудово накопишь улик больше, чем есть.

– Ничё, сначала его, потом и до неё доберусь.

И Светочка начала копать. Благо, это было очень просто. Алиса, жена покойного, казалось, не очень хотела отвечать на вопросы, но сообщила достаточно.

– Какие отношения были между Вами и Ксенофондовым?

– Интимные.

– Вы любили друг друга?

– Я – так, а он, наверное... Да и он тоже так... Не знаю.

– Ксенофондов ревновал Вас к мужу?

– Ревновал.

– Насколько сильно?

– Сильно, грозился его убить.

– Вы помните формулировки, как он это говорил?

– Да не помню я, просто говорил, что убьёт.

Но Светочке этого было достаточно. Главное, мотив есть. На прощание Алиса достала из сумочки лоскут окровавленной ткани, помещённый в пакет.

– Когда Эдика не стало, я была у Артура и нашла это у него под кроватью.

– Что это?

– Кусок рубашки Эдика.

Для Светочки это был подарок лучший, чем самый чёткий на свете мобильник, чем квартира на День Рождения, чем поездка в Китай с 20 тысячами в кармане!

Тесть убитого тоже пояснил, что слышал, как брат Лошадки угрожал Эдуарду. Также он припомнил, что когда на зятя было совершено первое покушение, организованное людьми в масках, Ксенофондова видели пробегающим неподалёку, а шапка-маска, которая была на одном из покушавшихся, очень напоминала шапку, которую два года назад носил Ксенофондов.

Светочка была так себе следователем. Обычно ей доставалась бытовуха – один мужик другого заколол ножом в драке – улики, мотив и свидетели налицо или муж прибил жену, потому что стерва. Никто не отпирается, все всё видели, вещдоков тьма. Это был один из таких случаев, за исключением, конечно, участия Ксенофондова.

Когда Светочка шла работать в следственный комитет, она была уверена, она твёрдо сказала себе, что взятки брать не будет и никогда не поддастся на угрозы.

На деле всё вышло гораздо проще – желающих соблазнить Светочку оказалось не больше двух человек в полгода и то,

ну как можно коробку конфет назвать взяткой? Представьте, подрались после хорошего застолья два мужика, получили телесные повреждения. У одного гематома (фингал по-простому) на правом глазу, у второго – на левом. Оба провели медицинское освидетельствование, оба написали заявления и по факту телесных повреждений, и по факту оскорблений (а как этим оскорблениям не быть, если в драке мужики материли друг друга, на чём свет стоит). Милиция обеих мужиков послала куда подальше, следовательно – заявление в прокуратуру, дальше Светочка разбирайся. Драку никто не начинал, потому что оба люди мирные (со слов каждого из них, конечно), оба к людям расположенные. Но драка как-то произошла. Приходит один – улыбается, коробка конфет, комплименты... И другой: «Следствие куплено, на свете порядочных людей не осталось»... Да тут семи пядей не надо быть, чтобы понять, кто начал.

Хотя однажды Светочка взяла самую реальную взятку. Тяпнула одну бабку за ногу собачонка. Маленькая такая – пожилой отъевшийся кот и по весовой части и по размеру больше будет. Бабка такого терпеть, естественно, не стала. В общем, разбирались-разбирались, выяснилось, что собачечка принадлежит чете ментов. Соответственно, заявление на ментов на стол Светочке. Пришла хозяйка собачонки. Дама полная, с причёской из парихмахерской и шляпкой из торгового центра. Поплакалась, мол, бабуля весь дом терроризирует, а собачка... ума у ней немного, а темпераменту боль-

ше, чем у горячего грузинского парня. Бабка теперь требует собаку усыпить, а ей её сынуля принёс, любил очень, а сам в Чечне погиб. В коридоре дама уронила три тысячи рублей и сказала:

– У вас выпало.

А Светочка тогда всю зарплату на шмотки потратила и, как отчитываться перед мамой, не знала. Короче, грешок случился. Но это было только однажды! Ну, как однажды, было ещё один раз. Один с половиной... Но это не считается.

Три тысячи Светочка взяла в коридоре, а там, оказывается, стоят видеокамеры, на следующий день Рита, начальник отдела, сказала:

– Светка, если берёшь, бери там, где тебя не увидят. В этот раз я тебя отмазала, в следующий – вылетишь.

– Да ей надо было заволокитить одно дело с бабкой. Я бы и без этого заволокитила.

Кстати, заволокичивать Светочка была мастер. Но в этом не её вина. Просто в Находке, а, наверняка, и во Владивостоке, а, может, и в Москве, после 70 лет люди начинают гнать. Результатом этого гона становятся жалобы во все инстанции и на всех подряд. Следствию тоже перепадает, поэтому им приходится отказывать, а если отказывать нет оснований, а дело, 100%, – порождение старческого маразма, волокитить. Поскольку на Светочку такие вот больные тоже жаловались, она их на дух не переносила. Посему чаще всего волокитила или отказывала. В остальном же она работала на совесть и,

после того раза, взяток не брала. Верила ли она, что от её работы зависит благополучие города и отношение к правоохранительной системе страны? Не то, чтобы не верила – не задумывалась. Светочка по своим убеждениям была маленьким человечком, от которого ничто и никогда зависеть не может. Да ей и не надо было менять мир – она просто хотела работать и получать за это деньги в рамках своего оклада. Так было спокойнее.

Тёплым майским утром Светочка с Ритой отправились на рынок Южный. Обычно Светочка ходила только по китайским рядам, потому что там дешевле, а на русских работает Лошадь. Но в этот раз ей непременно надо было заглянуть к русским.

– А в твоём деле кроме Ксенофондова есть подозреваемые?

– Какие там! Ясно же, что он убил!

– Ты уже потребовала ареста?

– Он и так в СИЗО. За то, что машину полковнику разбил.

– Парень жжёт.

– Точно.

Лошадь Светочка заметила сразу. Она стояла боком, курила и пинала камень. Она была длинной, худой и сутулой. На ней висели давно нестиранные джинсы и куртка, в которой Лошадь ходила ещё в девятом классе. Хотя, не в девятом, раньше. Эти кислотно-зелёные олимпийки были в моде

ещё в конце 90-х... Тогда в них утопали все самые модные подростки Находки, да и Владивостока, наверняка. У Лошадь были по-прежнему невымытые волосы. Вернее, не по-прежнему, сейчас они были значительно короче (видимо, два года назад Лошадь делала стрижку) и половина головы жёлтая, а половина наследственная (видимо, в последний раз красилась Лошадь, когда делала стрижку). Торговала она трусами, лифчиками и ночнушками. Уродскими х/б для бабушек и откровенными китайскими для проституток. Светочка и Лошадь сделали вид, что не знают друг друга.

Светочка осмотрела товар и выудила стринги. Тоненькие-тоненькие х/б. Поскольку они долго висели на прилавке они стали серыми.

– Скажите, а по какому случаю такое бельё следует одевать?

Рита прикрыла рот рукой, чтобы ни рассмеяться вслух.

– По случаю жопы. Если есть, бери и носи.

– Я и не думала, что это можно надеть на голову. Просто на свидание не оденешь, тем более, такого цвета, как здесь, а на каждый день неудобно. Вот я и думаю...

Рита покраснела. Её плечи заходили.

– Думать будешь на работе. А здесь покупают.

– А вот я за этим и пришла. Скажите, я хочу отправиться на свидание. Мне надо что-нибудь секси.

Лошадь поковырялась и кинула Светочке ярко красные трусы. Светочка взяла их в руки и стала рассматривать так,

чтобы проходящие зеваки видели.

– Не-ет, – закончила она, – кроме вас, такое бельё навряд ли кому-нибудь подойдёт. Я не проститутка, я в следствии работаю...

– Про ваше следствие все знают, что там одни проститутки, бери, как раз для тебя сшито.

– Да нет, у нас социально значимая профессия. Вот я сейчас дело веду одного Ксенофондова... Он из-за ревности убил мужа своей любов... сори, любимой женщины. Ещё и генерал-майору машину раскурочил...

Лошадь вырвала у Светочки из рук трусy.

– Сука, знаешь, что братан никого не мочил. Знаешь, что это тесть его. Пацан-то узнал обо всех тестевских махинациях. Вот, его... А вы, козлы, своих покрываете.

Светочка задержала взгляд на Лошади. Могло так быть или нет? Скорее, нет. В любом случае, Светочка пришла не за этим.

– Вы, как заинтересованная сторона, можете наплести всё, что угодно. Сейчас в СИЗО Артур Ксенофондов и, скорее всего, его осудят, против него слишком много доказательств.

Рита, которой расхотелось смеяться, взяла Светочку за руку и потащила прочь. Но Ксине это не помешало крикнуть вдогонку.

– А я всегда знала, что ты мразь. Поэтому к тебе и отношение такое! Он не виновен. И ты, шалава, это знаешь!

Светочка резко развернулась.

– Виновен или нет – не мой вопрос. Я найду столько доказательств, что он будет виновен. Теперь ты понимаешь, кто здесь судит и кто милует?

Светочка видела, как на лице Лошади появилось выражение последней степени отчаянья. Ради этого стоило жить.

– Дешёвка, – сказала Рита.

– У неё и раньше морда была длинная, а сейчас в пять раз длиннее стала.

– А какие трусы она тебе подсунула...

– Точно, сама, наверное, такие носит.

Светочка и Рита засмеялись. Тут Рита стала серьёзной.

– А если этого парня, действительно, тесть заказал?

– Да ну, какой тесть? – сказала Светочка и подумала: «А что если, действительно, тесть».

– И точно, этот хотел на богатой девке жениться. Если он такой же, как Ксина, что ему ещё делать?

Они снова засмеялись и стали обсуждать Лошадь.

– А всё-таки, если это не он, что ты будешь делать?

– Рита, я же расследую, это он, – сказала Светочка. Сказала и подумала: «А если окажется, что не он, неужели, зная это, я его посажу? Конечно, посажу, нечего им на свободе делать».

На следующий день Светочка опросила брата пропавшего без вести Эдуарда Бушлаева. Подросток восемь раз спросил

её, можно ли ей доверять и всё ли останется в тайне. Светочка на восьмой раз ринулась к двери и сказала, что зайдёт, когда брат будет готов.

– В общем, так, Эдика убил тесть...

Первое покушение на Бушлаева было совершено в присутствии двоих свидетелей – его друзей. Сделали это Т. и З. Т. и З. работали у тестя. Бушлаев и его друзья тоже работали у тестя, но потом они поссорились. Бушлаев узнал, что тесть занимается контрабандой мяса, эта контрабанда идёт через московского генерала Серёжина. Серёжин бывший находкинец, сначала командовал ФСБ Находки, потом края, потом дорос до Москвы.

– И что Эдуард...

– Эдик в шоке был. Он думал, нормальные мужики тесть и этот Серёжин. А там ещё за ними гора трупов, а сколько сидят невиновных, посчитать нереально. Короче, говорит, типа, «да ну вас», типа. Забрал своих пацанишек и, короче, стал на себя работать.

– А с чего он?

– Как с чего, не хотел во всё это лезть, он же нормальный пацан. Прикинь, тебе завтра скажут: «Пишей одного пацанчика». А ты знаешь, что это нормальный человек, никому ничего не сделал. А, даже если и сделал, ну так, по мелочи – обвесил пару бабулек, не больше, что, пришьёшь? Нет. И он нет. Мы же нормальные люди.

Бушлаева бы отпустили, но он выкрал документы, кото-

рые всю честную компанию за решётку могли привести, записал на диктофон несколько интересных разговоров. Не то, чтобы он собирался всему этому давать ход, просто, для прикрытия пятой точки. Поэтому оказалось – пока он жив, над Серёжиным и тестем висит секир-башка, которая в любой момент может упасть.

Сначала в Бушлаева стреляли. Гильзы, которые нашёл один следователь, совпадают с маркой пистолета тестя. Это есть в материалах дела, которое закрыли из-за отсутствия состава преступления, поскольку Бушлаев даже ранен не был.

Потом его пытались выкрасть, но подросли друзья и похитителей, которые были без масок, Т. и З., чуть ни посадили. Но, поскольку адвоката им нанял тесть, а на это есть бумага у отца Бушлаева, их отпустили. Оказалось, что парни просто спьяну подрались. И ничего, что при Т. и З. было оружие и наручники.

Сейчас оба друга Бушлаева в тюрьме. Один за кражу и сбыт сотового телефона марки, которая была выпущена в продажу спустя два месяца после того, как парня поймали с поличным и телефон был добыт в качестве вещественного доказательства. Второй – за изнасилование, хотя в момент совершения преступления находился во Владивостоке на банкете, где его видело человек 20.

Перед тем, как пропасть, Эдуард общался с одним фсбшником, имя которого Светочка знает, но не помнит. Именно на встречу с этим человеком Бушлаев поехал накануне

исчезновения. Помимо имени фсбшника, которое Бушлаев сообщил всем друзьям и знакомым, сохранилось несколько диктофонных записей их разговоров за день до пропажи Бушлаева, сохранился номер телефона, с которого два последних дня поступали звонки. Этот номер зарегистрирован на фамилию данного фсбшника.

По дороге в кабинет, Светочка думала: «Какой же дурак этот Эдик! Оно ему надо было? Золотой мальчик. Ну, родился ты среди таких, которые убивают и воруют, зачем лезть с флагом на гору. Герой нашёлся!» Вот, если бы у Светочки были миллионы, и её тесть сказал бы ей: «Пришей того пацанчика». Она бы, не задумываясь, пришила бы, потому что это законы, по которым живёт тот мир. И потому что из-за какого-то пацанчика ни один человек не станет терять свою жизнь. Ей даже было жалко, что она не тот Бушлаев, что она всего лишь простой следователь, разбирающий поножовщину между пьяными мужиками. Ей никогда не вляпаться в миллионы и никогда не пострадать из-за них.

Светочка была зая. И мозгов столько же.

В коридоре она столкнулась с полковником.

– Ну что, как наш Ксенофондов, скоро сажать будем?

– А Ксенофондов не виноват. Этого парня тесть заказал.

Полковник изменился в лице.

– Эта версия отработывалась. Она не подтвердилась. Убил Ксенофондов. Ищи улики и свидетелей.

– Да... – сказала Светочка и подумала, что брат Бушлаева наплёл ей какую-то ерунду. Ну, не может же полковник врать. Конечно, убил Ксенофондов! Что можно ожидать от брата Лошади. Лошади ух! Убила бы!

И всё-таки Светочка поехала к тем парням, друзьям Бушлаева. Они подтвердили то, что говорил брат Бушлаева. Потом вызвала директора склада, куда поступают сотовые телефоны. При Светочке подняли записи – сотовый телефон, который был украден 21 марта, поступил в продажу только 14 мая. А значит, полковник ошибся.

Потом Светочка созвонилась с 23 свидетелями, которые видели на банкете друга Бушлаева. Пять человек согласились в разное время приехать в Находку для дачи показаний. Да, он там был ровно в ту минуту, когда насильовал гражданку. У одного даже видео сохранилось. Причём на видео запечатлены большие настенные часы, на которых отображалась и дата. Сомнений быть не может.

... Полковник вошёл в кабинет. Под его глазами лежали чёрные круги.

– О, я тут попутно раскрыла одно дело...

Светочка вывалила ему все материалы по друзьям Бушлаева. Полковник стал красный как трусы, которые Светочке пыталась втулить Лошадь.

– То есть Вы, вместо того, чтобы заниматься делопроиз-

водством, копаются в давно постиранном белье?

– Я но... Эти пацаны не виноваты. Тот следователь, он...

– У Крапоткина стаж работы 12 лет! И Вы мне тут суёте!

– А как Вы объясните, что человек кого-то изнасиловал в Находке, а сам был во Владивостоке, и его видело 20 человек, пять дали мне показания?

– Врут. И один, и второй виноваты, и были осуждены. Точка. Через неделю доказательства по Ксенофондову должны быть в прокуратуре.

Полковник вышел, громко хлопнув дверью. Светочка подумала: «Наверное, Крапоткину заплатил тесть, а половину отдали полковнику».

Странное существо, человек. Вот, Светочка, ненавидит лютой ненавистью Яну Ксенофондову. С таки энтузиазмом взялась за дело, только потому, что обвиняли её брата. А сейчас даже если бы там, в СИЗО была Лошадь, она бы всё равно настаивала на том, что Бушлаева заказал тесть, а те, двое сидят ни за что. Почему? Нет, она никогда не хотела изменить мир. И о чести мундира вспоминала только в день милиции. Просто когда тебя пять лет учат расследовать, ты берёшь и расследуешь, как калькулятор, который не способен на дважды два выдавать пятёрку. Светочка не умела добывать улики, которых нет. И не представляла, как это. Она подумала, что мнение одного полковника – ерунда. Если он взял от тестя, это его проблема, Светочка не возьмёт. Светочка не полковник.

Дверь снова распахнулась. Снова вошёл полковник.

– Прошу прощения, я нагрубил Вам, – сказал он, – видите ли... Так сказать, эти ребята, что Бушлаев, что его друзья... Они члены ОПГ, так сказать, они подтасовывают улики, подкупают свидетелей. Вы не знаете, с какими людьми работаете. Там, в деле, так сказать, есть экспертиза, которая показывает, что на девушке был эпидермис, и не только, осужденного. Экспертиза купленной не бывает. Сейчас, так сказать, вас пытаются ввести в заблуждение, но... Эти версии прорабатывались. Поэтому следствие длится так долго. Если Вы снова пойдёте по этому пути, мы так лет пять никого не посадим. Я Вам говорю, убийца – Ксенофондов. Вы мне верите?

У полковника было приятное усатое лицо. Светочка знала его как человека открытого и порядочного. Наверное, её, и вправду, пустили не по тому пути. Надо долбить Ксенофондова. Это он, точно он.

В полдень Светочке позвонил отец Бушлаева, они договорились встретиться у него дома. Это был шикарный коттедж неподалёку от Золотой долины.

– Вы, и вправду, ничего не боитесь? – спросил Бушлаев.

– Нет, – гордо ответила Светочка и спросила себя: «А действительно ли я ничего не боюсь?»

– Детка, в этом деле замешаны всё ФСБ, следствие, судеб-

ная система, короче всё, что есть в Находке.

«Глупости, такого не бывает», – подумала Светочка. Но, когда она прослушала записи, в которых фигурировали и тесть Бушлаева-младшего, и Серёжин, и даже Алиса, а также контрабанда мяса и не только мяса... Плюс документы на подставные фирмы... Сомнений не осталось. Отец выкатил ей газетные статьи об одном таможенном генерале, который нынче в тюрьме, хотя не так давно раскрыл эти контрабандные схемы. Адвокат этого генерала, один из лучших адвокатов Находки... убит. Были и предсмертные записи Эдуарда, где он называет фамилию человека из ФСБ.

Светочка сделала несколько запросов в банки Находки и Владивостока и, в одном из Владивостокских филиалов крупного федерального банка дали информацию, что на фамилию фсбшника, который последний видел Бушлаева-младшего, тесть Эдуарда перечислил 80 000 долларов 24 ноября (Бушлаев пропал без вести 22 ноября). А в находкинском банке сообщили, что 23 ноября тестю Бушлаева 80 000 долларов перечислил Серёжин. 80 000 долларов – цена жизни молодого перспективного парня. Радует, что 80 000. Светочкина жизнь и пятой доли этой суммы не стоит.

– Ваш сын состоял в ОПГ?

– Конечно, нет, они там от нашего имени ещё написали, что мы говорим, чтоб его не искали. Мерзавцы.

Когда Светочка шла на ватных ногах в кабинет, полков-

ник с ней даже не поздоровался. А жаль... Именно сегодня ей хотелось, чтобы он был с ней учтив и называл на Вы. Другие отворачивались и делали вид, что её не заметили. Когда Светочка вошла, Рита шмыгнула курить.

– Я с тобой, – сказала Светочка.

– Ты только пришла, – ответила Рита.

Но Светочка упрямо поплелась за ней. Рита молчала. Светочка молчать не могла.

– Сегодня со мной никто не поздоровался, в чём дело?

– В том, что ты дура.

– Рита, но ты же... Тот Ксенофондов, он невиновен.

– Светка, полковник тебе сорок раз намекал, что от тебя хотят...

– И пусть хотят. Я хочу по правде.

Рита со злостью затушила сигарету.

– А знаешь, в чём правда? Ты влезла в дерьмо, в котором половина наших, две трети судей, всё ФСБ и, я уж не знаю, сколько народу из таможни...

– Значит всё это дерь... Всех их надо взять и вымыть...

– Во имя чего? Во имя того, чтобы у нашей нежной принцессы Светочки были чистые руки?

– Хотя бы во имя этого.

– Ладно, ладно, сбросим со счетов, что завтра твоя мама может выловить в реке твой труп, другой вариант – ты угодишь на место Ксенофондова. О, нет, не на место, вместе с ним. Ибо убийцей решили сделать его. Ладно, наденем розо-

вые очки, и представим, что все, кто был в этой цепи, отправятся за решётку и наша доблестная Светочка победит. Ты сможешь жить после того, как посадишь полковника, Круза, Васю, Шведова... Ты сможешь смотреть людям в глаза после этого?

Светочка отвернулась к окну.

– Ты мне это говоришь, как будто я убиваю и сажаю ни за что направо и налево. Да, я спокойно буду смотреть в глаза людям. Я просто выполняю свою работу... Нормально и честно, как это должно быть.

– То есть, все вокруг козлы, а ты белоснежка?

– Да, белоснежка.

– Да ты взятку взяла и умудрилась это сделать на камеру.

– Ты сказала, что стёрла запись.

– Я? Конечно. А Круз мог сохранить. Полковник мог скопировать. Да мало ли, кто-нибудь на мобилку закачал... Понимаешь, тебя посадят, за то, что ты реально сделала. И бей сколько хочешь себя в грудь, что хорошая. Тебе оно надо?

Рита закурила ещё одну сигарету. Её пальцы дрожали. Белки её глаз расчертили красные прожилки. Нога быстро шаркала о пол.

– Рита, не противно тебе?

– Противно. Слыхала о таком феномене – звонки сверху? Полковника теребят постоянно. Я сама слышала, как он не выдержал и закричал: «Девка упёрлась!» Потом позвонили нам, я взяла трубку. Сказала, что ты на осмотре. Там мужик,

кто он, я не знаю, спрашивал, были ли у тебя косяки, как служишь и прочее. Я не выдержала, говорю: «Я всё знаю. Она немножко глупая. Я ей всё поясню. Она сделает так, как вы хотите. Только ничё ей не делайте». Он говорит: «Посмотрим». Светка, мне, по большому счёту, чё? Даже, если будет претензия... Скажу, что не уломала... А ты?

– Знаешь, я вот думаю, а я? Сегодня я этого Ксенофондова туда... Завтра... Ну, раз одного, скажут, надо ещё одного так же. Третьего, четвёртого. А потом все будут знать, что для меня это не проблема и... Рита, а ведь для меня тогда это проблемой, и впрямь, не будет. Рит, может уволиться?

– ... имея на руках всю эту мерзость? Ну-ну... По следам героя Бушлаева... Лучше уж толкнуть в прокуратуру, пусть там, как ты, помучаются... Ты мне одно скажи. Ксенофондов, он же, между нами, девочками, твой враг. Ты Ксине тогда что сказала, помнишь: «Я здесь сужу и милую». Нет, если бы там, в СИЗО, был твой парень или дядя какой-нибудь троюродный, да даже если бы просто хороший человек... А так... Тебя по морде хрясь, хрясь, хрясь. А ты, вместо того, чтобы дать Ксине по руке, целуешь её руку? Светочка, ты лохушка. Синдром жертвы. Ксина не могла выбрать не тебя.

Светочка вскипела. Её глаза налились кровью, всё поплыло. Она представила, как целует Лошади руку, за то, что та покромсала ей куртку. Ну, уж нет! Действительно, а что это она? Самая честная нашлась! У всех свои интересы. Почему их не может быть у Светочки? Ведь она для этого сюда

пришла.

Светочка и Рита вернулись в кабинет. Светочка стала обдумывать, как будет сажать Ксенофондова. В эту минуту раздался звонок. Взяла Рита. Когда она услышала голос в трубке, её глаза округлились. Дрожащей рукой она передала трубку Светочке.

– С вами говорит генерал ФСБ ...

Фамилии генерала Светочка не расслышала.

– Так вот, мы знаем, что вы за вознаграждение в виде 50 тысяч рублей пытаетесь освободить от ответственности гражданина, который похитил крупного предпринимателя Бушлаева. Насколько нам известно, взятку вы получаете не в первый раз. У нас также имеется видеозапись получения вами взятки в размере трёх тысяч рублей...

Светочка слушала этот безумный перечень своих правонарушений и у неё тряслись руки, ноги, кожа, прожилки, вены, кровь – всё, что есть в организме.

– Ге.. генерал. Я... Я не собираюсь, это, предъявлять обвинение Серёжину... Просто. Это... Мне сказали, что есть другая версия и... я. В общем, на Ксенофондова у меня достаточно. Достаточно, если суд такого же мнения, как следствие.

Тон генерала потеплел.

– Мы всегда знали, что в находкинском следствии работают только порядочные сотрудники. Родина вас не забудет!

О! Светочке предлагают взятку! Ну, что ж, продавать душу дьяволу гораздо приятнее за хорошую цену.

– Ге... генерал. Разрешите вопрос.

– Разрешаю.

– Ну... если вы не можете ответить честно, пообещайте, что вообще не ответите.

– С вами говорит генерал ФСБ. Москва, если вы меня с кем-то перепутали.

– Я знаю, вы представились. Хотя ладно, забудьте.

– Задавай свой вопрос, отвечу честно.

– Нет, я не то, чтобы там из корысти какой-то, просто... Просто для меня это важно. Короче, а как Родина не забыла полковника, нашего начальника по Находке?

Генерал громогласно расхохотался в трубку.

– Начальник следствия Находки у Родины на хорошем счету. Поэтому он спокойно работает и спокойно спит по ночам.

Светочка была настолько ошарашена, что забыла, кто на том конце провода.

– То есть вы хотите сказать, что полковник всё это делал бесплатно?

Тон генерала снова стал железным.

– А вам мзду подавай?

– Да не, я не про то. Я букашка маленькая, меня раздавить – раз плюнуть. Но полковник...

– Ваш полковник – букашка на два миллиметра крупнее

вас. Никто из следствия Находки ни копейки не получил за эти дела. И не получите, а если вы будете задавать вопросы не по существу, мы подумаем, стоит ли вам доверять.

– Извините, генерал. Я... здесь все знают, что я не особо умная. Простите, если что не так. По поводу Ксенофондова, я обещаю.

– Первый и единственный раз прощаем, до свидания.

Светочка, за которой пристально наблюдали все, кто находился в кабинете, положила трубку и засмеялась в голос.

– Рита, ты прикинь... Никто из наших ни копейки не получил.

– И что?

– Ни копейки, Рита! Полковник, половина следствия и все-все. Бесплатно!

– Что ж, по-твоему, лучше тачки и хаты на чужом горе зарабатывать?

Светочка в один миг перестала смеяться.

– Просто мы все твари дрожащие. Вот кто мы.

Светочка стала что-то быстро выбивать на компьютере. Она печатала долго. Другие ничего не делали, только смотрели на неё. Когда Светочка закончила, она передала бумагу Рите.

– Он это никогда не подпишет.

– А чё это ему не подписать? С закрытыми глазами, например или пару раз мордой о стол. Ну, отдамся, на крайний

случай, если заорточится. Напомню старую поговорку: пусть лучше 12 судят, чем шестеро несут... Ритка, прикинь, вот я сейчас пойду к невинному человеку, будь он хоть трижды брат Лошади, дам ему вот это вот. Уломаю. Не потому что я такая вот растакая, отрицательный герой романа, а потому что уломали меня. В свою очередь, кто меня уломал? Ты, генерал-майор и этот непонятный генерал из Москвы, потому что уломали вас. Вместе мы огромная многотысячная армия, страшная сила, безумный капитал... А по одиночке – ноли. Ноль плюс ноль плюс бесконечное количество нолей в алгебре равняется нулю, а у нас равняется системе. Надо будет об этом рассказать училке математики, всегда мечтала свести её с ума...

Светочка вышла. Это она в кабинете была смелая такая. На самом деле, она не представляла, каким образом Ксенофонов подпишет эту бумагу. Но она знала одно: если он не подпишет, её уничтожат. Равно как и его. Наверное, надо как-то так объяснить.

Худой, длинный, с огромными чёрными бровями. Такой неказистый, такой нескладный человек. Разве кто-то может пожалеть этого Ксенофондова...

– Дайте мне бумагу, я всё напишу, что надо.

Светочка протянула ему свою паскудную распечатку, он уточнил, куда ставить росписи и, без эмоций на лице, поста-

вил. Светочка не понимала. Нет. Он не мог так просто сдать-ся. Даже она не много, не долго, но всё-таки сопротивлялась.

– Артур, ты чё, ты понимаешь, что ты подписываешь? – не выдержала Светочка.

– А куда мне с тобой тягаться? Знаешь, в тот день мы с Ксиной подрались. Она кричала, что я ничтожество, лох. Кричала: «Сделай что-нибудь, чтоб я тебя зауважала». Я взял её мафон, дискачи и выкинул в окно. Потом мы пошли всё это собирать и... Тут-то подоспел ваш начальник... А мы ведь ему на новое окно уже деньги собрали...

– Ты не понял, тебе шьют другое.

– Кто шьёт?

Светочке было очень стыдно. Это неправда, что делать мерзости легко. Делать пакость прекрасно понимая, что тот, против кого ты делаешь пакость, это понимает в два раза тяжелее, чем просто делать пакость, а просто делать пакость в восемь раз сложнее, чем делать по-честному... И Светочка сейчас бы всё отдала, чтобы сделать по-честному.

– Ну я... Я тебе это шью, – наконец ответила она.

– Да знаю я. И знаю, почему этим занимаешься ты. В Ксину метила?

Светочка отвела взгляд.

– А я был уверен, что больше моего её ненавидеть нельзя. Но... знаешь, жизнь такая штука... Когда меня сюда загребли, когда мне стали шить этого Бушлаева... Там сначала другой следак занимался, но он перевёлся в Партизанск.

На хрен ему тот Партизанск сдался... А потом и от туда свалил. Так вот, когда мне стали это шить, Ксина всех на уши поставила, собрала на адвоката. Сейчас хочет по газетам, на всякое там телевидение пойти. А много с этого толку, у вас же там сумасшедшее бабло крутится... Вроде бы на фига это она? Так получилось. От тюрьмы и от сумы не зарекайся, стену лбом не перешибёшь... Всё равно, спасибо ей за это, никогда не забуду.

– Чем ты занимался, пока это всё ни случилось?

– Я строитель. Цемент таскаю, камни кладу.

– Много зарабатывал?

– Двацатка в месяц обычно выходит, а один раз 30 было.

– Это ж такой ужас, тяжело, на холоде особенно...

– Нет, не ужас. Нас, строителей, обычно много на доме.

Как тараканов. И все туда-сюда и все матерятся, шутят, перекуривают иногда. Мы утром приходим и, кто-нибудь обязательно скажет: «А месяц назад пятого этажа ещё не было». Сложно объяснить, как это, когда на твоих глазах растёт дом, в котором каждая квартира стоит в десятки раз больше тебя со всеми твоим добром. И этот дом построил ты. А, когда ты умрёшь, дом всё равно будет стоять. Я, иной раз, с друзьями прохожу, говорю: «Этот дом построил я с пацанами». А они мне: «Чё, внатуре? Красава!» Короче, тебе не понять. Построить дом – это круто. Круче, чем за бабло сажать людей. Ты любишь свою квартиру?

– Люблю.

– А ведь её построили пацанишки натипе меня. Квартира – это всё. Это самое дорогое, что есть в Находке. Квартира это... тупо звучит, наверное, это Родина. И знаешь, я отсижу. Вы ж мне много не дадите, хоть и в погонах, всё равно какие-никакие люди... Я отсижу и буду дальше строить. Такой уж я человек. Это я нужен тебе, чтоб не слететь с хлебного места. А ты мне не нужна. Я буду строить, даже если всё ваше следствие взлетит на воздух. Даже если...

– Артур...

– Закусило, да?

– Ты спал с Алисой?

– Чё, упала, ты посмотри на неё и на меня. Я у неё закурить просить побоялся бы. Вообще, я её видел, она меня, может, тоже мельком, но ей десять человек в ряд поставишь, скажешь показать меня, она не покажет. Ну, а с Бушлаевым мы, и вправду, как-то цапанулись. Ревнивый он, как чёрт. Был. Да и я так-то спокойный, а с пьяну и двинуть могу.

– Если понадобится, сможешь это повторить для журналистов или на суде?

– Хочешь вслед за Бушлаевым отправиться?

– Сможешь или нет?

– Смогу, чё мне!

Светочка разорвала позорный протокол на мелкие кусочки и вышла. Вышла улыбаясь, с ощущением, что сдала экзамен на пять, хотя самой в пору было прикидывать – что лучше застрелиться или повеситься.

Она шла по Народному проспекту и смотрела на дома. Где-то в других больших городах, где много разных зданий, такие дома обозвали смешным словом хрущёбы. А Находка вся состояла из хрущёб, и никто не думал назвать свой дом даже хрущёвка. Да, это серые однотипные пятиэтажки с маленькими кухнями и крошечными ванными. Но в каждой такой хрущёвке живёт 50 семей, в каждой хрущёвке проходит чьё-то детство и начинается чья-то старость. А построили их такие пацанишки, как Ксенофондов. Серёжин такого простого бесхитростного человечка, не задумываясь, задавил бы, как букашку. Светочка не Серёжин. Она видела, что у Артура есть представления о жизни, есть какие-то свои, смешные, мелкие ценности, а значит, он человек. Нет, Светочка никогда не была очень уж честной, и даже однажды получила за это три тысячи, но заволокитить чей-то мелко бытовой скандал не всё равно, что отправить за решётку молодого парня, который не сделал ничего, кроме того, что попал под раздачу. И ради чего? Чтобы прикрыть филейную часть какому-то Серёжину? А, кто он, в сущности, такой без следствия, прокуратуры, ФСБ и таможни? Мелкий мошенник и бандит, каковых Светочка штук пять посадила? И можно было бы понять, если бы всё держалось на огромных деньгах. Тогда – сами подонки, сами берём. Но... всё держится на тупом, непонятно откуда взявшемся страхе, – как бы чего ни вышло. Откажусь – посадят, уволят, убыют. Но тот генерал из

таможни отказался. И Бушлаев отказался, и друзья Бушлаева тоже. А если сегодня откажется Светочка, а завтра прокурор, а послезавтра судья... То... Ничего у этого Серёжина не выйдет. И ведь, имеем право отказаться. А что, человек проводит на работе большую часть своей жизни. Твоя работа – это то, за что ты уважаешь себя сам и хочешь, чтобы уважали другие. Твоя работа – это ответ на вопрос «Кто ты?»

В 2009 году случился кризис, и денег у людей не стало. Все деньги были только в госпредприятиях. И позвонковая система была у всех, кто работал в госпредприятиях, предприятиях мэров и губернаторов. Поэтому всем напоминали, где лежат листы – писать заявления. И, как бы по-хамски ни вели себя руководители, люди молчали. Больше никто не работал на результат – все работали, чтобы не потерять места.

Когда-то, много лет назад, Раскольников спросил себя: «Тварь я дрожащая или право имею?» и убил бабу. В стране победившей демократии, свободы слова, рыночной экономики и прав человека для того, чтобы ответить на аналогичный вопрос, надо было всего лишь выполнить свои должностные инструкции.

Когда Светочка решила работать следователем, он прекрасно знала, на что идёт. Она знала, что придётся раскалывать самых отчаянных мерзавцев, людей, от которых можно ожидать всего. Она знала, что её могут убить или пока-

лечить, просто потому, что она работает в следствии. И продолжала работать. Год... А значит, разве имеет она право вот так вот повестись на очередного уголовного персонажа?

Люди хотят, чтобы ты искала, а не подтасовывала улики. Ты же не хочешь прийти в больницу, чтобы тебя лечили от туберкулёза, потому что за это ты много заплатишь, а не от простуды, которой ты реально болеешь? Ты же не хочешь, чтобы преподаватели университета не ходили на собственные пары и ставили тебя зачёты за рефераты? Ты же не хочешь покупать пельмени, в которых вместо мяса что-то непонятное? Ты же не хочешь платить управляющей компании за текущий ремонт, которого нет, не было и не будет? А ведь того, кто лечит от туберкулёза, когда у тебя простуда, того, кто не ходит на собственные пары, того, кто не кладёт в пельмени мясо, того, кто берёт деньги за несуществующий текущий ремонт, спроси: «В чём беда страны?», ответит: «В том, что правительство плохое». Конечно. Плохое, ужасное, менять давно пора. Но это ж не значит, что свою работу надо делать чёрт знает как. Рыба гниёт с головы... Если хвост по голове время от времени не даёт.

Между тем, во Владивостоке живёт женщина, которая придумала конфеты «Птичье молоко». Те самые, которые народ разбирает по праздникам и просто так. Хэдлайнеры всех супермаркетов и магазинов несколько десятков лет. Самые гениальные конфеты за всю историю края.

В Китае другая женщина стала миллионершей, потому

что когда-то собирала на свалке бумагу, и это позволило ей делать самую дешёвую в мире обёртку.

Во Франции одна девица сняла с женщин огромные громоздкие платья и передела мир в удобные и дешёвые вещи.

Даже если бы эти люди больше ничего в своей жизни не сделали, они сделали бы достаточно для мировой культуры...

Когда-то давно, очень давно, был царь. Потом случилась революция. И не надо говорить, что случилась она, потому что дядька Ленин был придурок. Революция случилась, чтобы в стране не осталось маленьких людей, чтобы все были равными. Через 70 лет выяснилось, что тот мир, который построили после революции, не так хорош и справедлив, как задумывалось. И случилась перестройка. И не надо говорить, что случилась она, потому что дядька Горбачёв был придурком. Перестройка случилась, чтобы в стране все стали свободными. Та судебная система, которая существует ныне, – это достояние, которое копилось со времён каменных топоров.

Всё самое потрясающее в этом мире. Всё: от трусов и котлет до нанотехнологий и демократии, – всё это результат работы разных людей. У каждого из нас есть шанс изобрести своё «Птичье молоко», но мы упорно предпочитаем лечить от туберкулёза тех, кто болен простудой.

Прошло время ломать. Прошло время строить. Пришло время сберечь то, что построено.

А вдруг, вот это дело – это самое важное, что может сделать Светочка в жизни. Вдруг, именно для него она родилась. Вдруг это то, что способно оправдать всю её жизнь?

Светочка подошла к дому, где живёт её бывший. Дима пришёл через полчаса. Дима был прокурором. Они поздоровались. Он хотел пройти мимо, но Светочка схватилась за его руку.

– Дим, поговорить надо.

– У меня сейчас дела.

– Дела ты сделал на работе. Пойдём, это очень важно.

Меньше всего Диме хотелось видеть Светочку. Ибо... в прокуратуре уже знали. И каждый боялся, что это дело попадёт к нему. И, в принципе, неприятно, но можно пережить, если обвинять придётся Ксенофондова. Но... если Светочка здесь, Димина карьера, а может, и жизнь, закончилась.

– Ладно, говори, что у тебя, – трясущимися губами сказал Дима.

– Я тут расследую...

– ... Пропажу Бушлаева. Знаю. Дальше.

– Подозреваемый Серёжин, дело пойдёт к тебе.

– Долго обдумывала, как мне отомстить?

Светочка покраснела всеми своими прыщиками.

– Я тебе не мщу. Я тебе доверяю.

– И ты думаешь, я одну из своих шлюх предпочту карьере и жизни?

Светочку как ошпарило. Она не шлюха, и она думала, что Дима её любил, и любит до сих пор.

– Ладно, извини. Я не знала, что шлюха для тебя.

– Нет, это ты извини за шлюху. Просто не мне тебе объяснять – и тебя, и меня в порошок сотрут, если мы вякнем. Там с чего всё началось? Была контрабандная линия, которая неплохо кормила Серёжина, таможду, ФСБ, а сколько нашим и вашим перепадало, я не знаю. Я человек маленький. Потом появился генерал из таможди, фамилию не помню. Что ему за моча в голову стукнула, я не знаю. Решил прикрыть – посадили. Адвокат больно шустрый был – убрали. Потом нарисовался Бушлаев. Тоже герой, а у героя геморрой. Растрепать всем решил. А эта контрабанда, коль по-честному, не ахти какое преступление, ей все занимаются.

– Я не занимаюсь.

– В Китай помогайкой ездила?

Светочка кивнула.

– Занимаешься. Серёжина тоже можно понять – он увидел, где можно иметь, и стал иметь. Тут какие-то придурки решили эту лавочку прикрыть. А прикрыли бы линию, не известно, что стало бы с ним. Я его не осуждаю. В этом мире каждый живёт, как может. Если он умеет жить, он живёт. А если этот с таможди и Бушлаев не обладают мозгами, это их проблема.

– А ты?

– И я бы поступал, как Серёжин... А если ты мне при-

шлѐшь материалы, я сделаю, как попросят.

– Странный ты человек. Какому-то Серёжину позволяешь заниматься не весть чем, даже не осуждаешь. А себе. Самому себе! Ты не оставляешь шанс использовать ситуацию в своих интересах...

– Ты меня на амбразуру не кидай, я человек маленький, воевать ни с кем не хочу.

В подъезд постоянно заходили люди, и, естественно, они прислушивались к двоим людям в форме. Диме от этого было очень неловко. Он старался говорить тихо и мечтал поскорее попасть домой. Он посматривал в подъезд, как будто там было единственное спасение.

– А если я тебе скажу, что находкинское следствие. Никто! Ни копейки не получил за это! Мы для них букашки слишком мелкие. Думаю, то же с прокуратурой. Знаешь, на чём всё держится? Мои «клиенты» любят делать такое: один или два человека решили кого-то ограбить. Соберут несколько, в принципе, обычных людей. Пошли грабить и специально убили. А убивать, в принципе, вдвоём бы пошли – не убили. И убили для того, чтобы у этих, кого они с собой взяли, тоже руки были в крови. И наши, и ваши повязаны кровью. Я не хочу в этом участвовать.

– Ты сама сказала, что все повязаны кровью и ты... Ты! Малолетка прыщавая! Хочешь что-то изменить?

– Это тебе кажется, что от нас ничего не зависит. А дело отдано на откуп всего трёх человек – тебя, меня и судьи. Мы

втроём можем уничтожить вонючего грязного гада, который мешает всем! Мало того, на этом можно сделать имя... Карьеру... Это сложно, но Дима, Серёжину тоже было нелегко построить свои схемы. А его время уже пришло, потому что слишком многие сказали «Нет».

Дима сделал вид, что задумался, хотя его мысли были только об одном: слинять.

– Ладно, я пойду.

– Ну, так что?

– Светочка, во имя наших с тобой отношений... Не посылай мне это дело.

– Димочка, уже послала.

Ошиблась! Светочка сидела перед телевизором, машинально щёлкала пультом, не видя и не слыша, что идёт. Потому что она ошиблась. И выхода нет. И вход завалило. А ведь трижды прав Дима. Если ты родилась букашкой, тебе никак не стать слоном. Хоть наизнанку вывернись. Кто-то умеет петь, кто-то умеет снимать кино. А кто-то умеет выстроить систему, которая приносит ему миллионы. Из воздуха и безнаказанно. И этот талант, может быть, более достоин уважения. Светочка достала сотовый, перевернула и стала снимать саму себя.

– Я следователь. И я раскрыла убийство Эдуарда Бушлаева...

И она стала рассказывать... Всё. И про Серёжина, и про

Ксенофондова и про полковника и даже про то, как получила взятку... Всё-всё, ради чего её уничтожат, она поместила в папку «если что» на свой заляпанный ноутбук. И эту папку однажды кто-нибудь обнаружит. Не мама, конечно, не Рита и не Дима. Кто-нибудь столько же безумный, как Светочка.

В цепи тех, кто наивно решил, что право имеет, Светочка могла стать последней, а могла в начале списка. Но, если её вынудили пойти на это, она должна оставить следы, просто для того, чтобы, когда количество жертв Серёжина достигнет критической массы, кому-то было проще сделать карьеру.

Вся мировая история написана кровью при том, что никто никогда не хотел умирать. Не она первая, не она последняя. Светочка росла во времена перестройки под девизом «кто, если не я?» или «легко быть красивой и чистой, когда кто-то за тебя ковыряется в грязи». У неё и мысли не возникло, что за неё это всё мог бы сделать кто-то другой... У Светочки никогда не было принципов, ценностей и прочей лабуды, обычно характерной для любого человека любого времени. Но вот это у неё было. Кто, если не я?

Утром Светочка, как обычно, пошла на остановку. Май цвёл вишней и абрикосами. Май смеялся воробьями, у которых намечалось потомство. Май закидывал одуванчиками все склоны. Май ждал тюльпанов. Светочка всё ещё ждала, что полковник после очередного корпоратива предложит

ей познакомиться поближе. Светочка ждала новой большой квартиры, на которую у неё никогда не было денег, и повышения, которое теперь невозможно. Даже сейчас, понимая, что это её последний день, она мысленно прикидывала, может ли взять ипотеку. Даже за минуту до смерти человек не способен поверить, что всё кончено.

И... так оно и случилось. Спустя полчаса, как Светочка очутилась в своём кабинете и, даже стала изучать новое дело... За ней пришли. С наручниками и обвинениями во взяточничестве крупного размера. Светочка стала кричать, что взяла только один раз три тысячи и несколько раз конфетами... Её вели и все улыбались, кто-то кивал в её сторону и хихикал. И причём все-все знали, за что её ведут. Это очень страшно, страшнее, наверное, нет ничего! Когда тебя унижают, а вокруг никто не хочет помочь – все смеются.

В общем, теперь она в СИЗО.

Первые дня два она только плакала и колупала ногтём стену. Когда пришла мама, она спросила Светочку:

– Зачем ты это сделала?

Светочка пожала плечами.

– А, может, как-нибудь договориться?

Светочка покачала головой. Тогда у мамы началась истерика, она стала кричать, что лучше бы Светочка не рождалась.

– Мама, я не брала такого количества взяток, как про меня говорят.

– Я знаю, – ответила мама, – зачем ты в это полезла. Сделала бы так, как тебя просили, и жила бы спокойно.

Светочка снова пожала плечами. А потом мама вспомнила, что сорок раз говорила, что не надо идти в следствие – там всё прогнило.

– А ещё ты сорок раз говорила, что надо жить честно.

– Тьфу, – сказала мать, – нравиться сидеть здесь, сиди, я тебя вытаскивать не буду. У меня нет денег на адвокатов.

Светочка знала, что, хотя у матери нет денег на адвоката, она его наймёт. Но... ничего не поможет. Что сделает какой-то адвокат против целой системы нолей. Она здесь всерьёз и надолго.

Светочке сказали, что к ней пришли. Наверное, опять мама. Светочка встала, прошла с охранником, но... Это была не мама, и даже не Рита. Это была обладательница самой ненавистной длинной физиономии на свете. Лошадь. Она нервно ломала ногти на правой руке и глупо улыбалась.

– Привет, – сказала Лошадь и отвела взгляд.

– Привет, – ответила Светочка.

– Артура отпустили.

– Почему?

– Ты же отправила в прокуратуру бумаги, что того парня без вести похитил Серёжин...

– А, ну да. Значит, не зря всё это было.

– Не зря.

– Для них нет разницы, Артур или я. Что они будут делать, я не знаю, но они придумают.

– Тут много не придумаешь.

Больше всего Светочка не хотела этого делать при Лошади. Ей вообще не хотелось, чтобы Лошадь приходила. Она сдерживалась из последних сил и... заплакала.

Лошадь снова отвела взгляд.

– Ты всё правильно сделала. Я бы сделала так же.

– Потому что там был твой брат.

– Нет, потому что ты по-другому не смогла, и я бы не смогла.

– Но ведь куча народу может. На этого придурка Серёжина работают все. Даже мой бывший. И он будет его отмазывать, вылизывать.

– Значит, правильно, что он бывший.

– Не в этом дело, просто это система. И воевать с ней, всё равно что лопатами пытаться остановить цунами, всё равно что кричать в Находке, пытаясь докричаться до Владивостока, всё равно что таракану надеяться победить тапочек. Понимаешь, следствие и все-все насквозь гнилые. Ничего не изменить, ничего не доказать.

– Если есть ты, изменить и доказать что-то можно. Если есть ты, не всё прогнило.

Они обе замолчали каждый о своём. Светочка пыталась

подавить рыдания, а Ксина решалась.

– Свет. Ты, это, прости меня.

– Не парься, я давно забыла.

– Понимаешь, я... Я тогда была малая, я не только к тебе так, я ко всем...

– Я же сказала, всё. Тема закрыта.

– Ты понимаешь, я тогда не верила, что бывают люди. Теперь вижу – бывают.

Светочка подняла на Ксину глаза. В этот миг у Ксины не была такая длинная морда – обычное человеческое лицо. С открытым лбом и ясными глазами. Странная штука жизнь. Человек, которого ты всё жизнь мечтала растоптать... Человек, на которого ты и взглянуть не могла – челюсть сводило. Только потому, что понял тебя больше, чем ты себя в самый тяжёлый момент твоей жизни, становится чуть ли ни самым родным в мире. Сквозь слёзы и отчаянье... Светочка улыбнулась. Больше ей не хотелось ни о чём жалеть.

– А знаешь, ты тут ненадолго. Я завтра пойду и растреплю это всем – обзвоню все газеты, все телевиденья, всё-всё. Ты же хотела быть знаменитой!

– Ксина, приди ко мне домой, там в моём компе есть папка «если что». Пусти всё это в Интернет...

2010 год.